

Р. ПЛЕТНЕВ

Н. С. Гумилев (1886—1921): С открытым забралом

Позвольте начать слово о поэте его словами:

О тебе, о тебе, о тебе!
Ничего, ничего обо мне.
В человеческой темной судьбе
Ты — крылатый призыв к вышине...

Сообщение мое касается героики и героя, воина и поэта, человека вещего духа предсказаний, веры и возвышенного слова о Слове-ипостаси и о поэзии. Помнил, видно, Гумилев слова апостола Павла: «Все мне дозволено, но не все мне полезно... и ничто не должно обладать мною». Все испытал Николай Степанович, от наркотиков до страстной любви к женщине, и ничто не покорило его дух, его силы и сердце... одно разве — героика.

Есть в имени — Николай Степанович — нечто прямо дарящее и вместе с тем разящее Зло в его гнусную ланиту, — а первомученическое — в Степан-Стефан. Радостно и гордо имя его, и хочется говорить о поэте, даровавшем нам кованые иль звонколитые стихи — силы духа. В них мощь дыхания, предметная ясность, конкретность впечатляющего изображения. Но важнее всего в них и в жизни Гумилева храбрость, доблесть, герой и героизм. В наше же время лжи и трусости герой и его вера, слово и дело важнее всего. Герой — это тот, кто ради великого, ради божеского и человечности жертвует собой. Восторг победы над слабостью и трусостью, над податливой мягкотелостью немощной доброты; великий порыв в борьбе есть истинный героизм:

И как сладко рядить победу,
Словно девушку в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

У поэта все так конкретно-осязаемо и живо в стихах о бое:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко красный мед...

Труден путь, но героизм и в бою и в жизни есть спасение духа, самой чести и достоинства жизни. Герой и поэт Черногории хорошо это выразил: только «героизм является царем над злом всех форм», только он — отпор сатанизму. Да и что может мерить, весить и оценивать жалкую в своей мимолетности жизнь человека, мгновение в безмерности пространства и бездонности времени? — Один героизм может мерить и весить бытие, ибо он — духовен. И достойно ликование сердца при мысли, что именно о таком русском человеке говоришь, о витязе, о герое не одного пера, о смелости не только воскрыленной мысли, а и доблестной руке. Не только о поэте за своим покорно деревянным зверем — столом, а говоришь о настоящем воине и землепроходце, открывателе новых земель, думаешь о том, как бился, стрелял, рубил, мчался на коне и побеждал. А за героем всегда следует как тень — трагедия — тень героизма. Герой же, будь он Орфей или Геркулес, кончает трагично и возвышенно прекрасно, ибо героизм — нечто сверхземное. Сердце и душа героя предчувствуют гибельную Судьбу. Шаг Судьбы нам, обычным людям, не слышен, но дух поэта ощущает эти шаги — события будущего. Вот пророческие слова поэта о себе:

И умру я не на постели
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще...

Яснее и страшнее в стихах «Заблудший трамвай»:

В красной рубашке, с лицом как вымя,
Голову срезал палач и мне.
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне...

А вот, с предельной провидческой остротой зрения в стихах «Рабочий»:

Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою; она пришла за мною...
Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву.
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву...

И сам конец стихов:

Это сделал в блузе светлосерой
Невысокий, старый человек.

Гумилев расстрелян коммунистами во второй половине сухого августа 1921 года. Умер он, улыбаясь в лицо своим расстрельщикам. Завет же героя читателям прост, отважен и ясен:

Я учу их как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

Истинный герой всегда — вождь, предводитель в миру и на войне. Впереди в опасности, впереди других в поэзии, и в самой жизни. В ранней молодости Гумилев дважды ездил в Африку, изучал, записывал, собирал материалы и охотился. Когда же к стоянке ночью подходили львы, то «трусливых душ не было меж нас. Мы стреляли в них, целясь между глаз». Третий раз его назначила Русская Академия Наук начальником географической экспедиции в Абиссинию.

Но Гумилев же глава и зачинатель акмеизма-адамизма*. В нем первое: ясность и четкость стиха, образов и идеи. Это новое направление литературы коснулось всей современной Гумилеву поэзии, создало школу, укрепилось и в «Цехе поэтов»**. Акмеизм, как литературное течение, повлиял и на Анну Ахматову, и на Сергея Городецкого, и на Осипа Мандельштама, и на Георгия Иванова, да и на многих других поэтов и прозаиков типа Николая Тихонова. В акмеизме есть завет: помнить о Непознаваемом, но редко говорить о нем. Напомню, что символисты часто упивались сами собою — ни сном, ни явью. О них наш поэт с оттенком иронии говорил так: «Перебрасывают, как силачи, огромную гирию, а на деле она-то пустая внутри». Действительно, символизм манерничал и, увы, часто лгал. Так характерно блоковское:

...Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.

Оттого Блоку, в греховном соблазне, в «12» привиделся за вьюгой впереди двенадцати разбойников Христос, а сам же Блок после додумался, что это сатана. Вообще, в огромном, цветистом, звучном и вещем мире символисты искали не истинно Вечное, а более всего обожали свое чувство и капризные порывы.

* См. Бытие, II, ст. 19–20 (прим. авт.).

** Следует отметить, кроме влияния Т. Готье, и значение жизни, поэзии и любви к Африке А. Рэмбо (прим. авт.).

Гумилев же в горькие минуты разочарования, видя плоды безбожной и бездуховной революции — боролся. Символисты называли революцию непогодой, зывали к Пушкину, чтобы он помог «в немой борьбе». Но немая поэзия не может бороться! Волевая напряженность и приятие земного бытия с мыслью о небесном всегда жили в душе Гумилева. Он отрекся на слове и деле от дряблости, вздохов и лжи. Лжи то о прекрасной даме средних веков, то о блуднице, а не то и о своей жене ли — папессе ли, по мысли друзей Блока. Ясен наш Гумилев! Прислушаемся же к его словам о поэзии и поэте, о слове и Слове. «Стих есть высшая форма речи. Происхождение отдельных стихотворений таинственно схоже с происхождением живых организмов... Невыношенное стихотворение — калека. Оно печалит, а не радует, как печальны прекрасные глаза горбунов... с такой тоскою мечтаешь о стройных юношах Спарты». В акмеизме есть «мужественно твердый взгляд на жизнь, равновесия сил, знания отношений между субъектом и объектом. И акмеизм должен быть достойным принять наследство предшественников». Наш поэт и дерзает, зная свои силы. Он не боится пространства, покоряет его, ценит время, но вечность есть последняя цель странствий его Музы, Музы дальних странствий. Хорошо сказал Ю. Анненков о смысле формы: она вдохновляет и «в видимом и в ощущаемом, завладевает содержанием, сюжетом и, завладев, превращается в них». Поэт избегает туманно-отвлеченного, а говорит нам постоянно «о свойствах, как явлениях, о белизне, о контральто, о тайном свойстве предметов, черпая образы из всех стран и веков, что придает его стихотворениям впечатление гармонической полноты самой жизни». Мы знаем, что и в волнении обстоятельств, на войне поэт не повышал своего голоса. Герой сдерживал звук горения внутреннего пламени. Но в творчестве сила вдохновения рождала «то особенное чувство, иногда наполняющее таким трепетом, что оно мешало бы говорить, если бы не сопутствующее ему чувство победности, сознание того, что творишь совершенные сочетания слов, подобные тем, которые некогда воскрешали мертвых, разрушали стены». Николай Степанович сказал в одной из своих лекций уже после революции 1917 года: «Вначале было Слово; из Слова возникли мысли, слова, уже не похожие на Слово, но имеющие источником Его, и все кончится Словом — все исчезнет, останется одно Оно», т. е. Начало начал. Это слова в прозе, а вот те самые светлой силы мысли в стихах о Слове:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда

Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались с ужасом к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине...

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это — Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Гумилев был, как все герои, не окружен людьми, а одинок. В Бога он крепко верил, но грустил. Как просто сумел поэт выразить это чувство и мысль: «Есть Бог, есть мир. Они живут вовек, а жизнь людей мгновенна и убога». И высшим, пожалуй, утешением для Гумилева был отзвук, отклик героики и красоты в душе четкого слушателя или читателя. Он искал «читателя-друга, который бы вместе с ним переживал творческий миг во всей его остроте» и содружно постигал в поэзии облагораживание души и сердца человека не штукачеством, не заумью и подвыванием, но вечной красотой и духовным полетом героизма. Известно, что Гумилев и поэтов делил на «поэтов-клерков и поэтов-воинов». Сам же он был поэтом — путешественником и воином. В русской дореволюционной литературе он — явление неповторимое. Он никогда не менял свое отношение к войне, ее героике. Гумилев прошел все тяготы войны, голода, наступления и отступлений в самые тяжелые годы — с 1914 до начала 1916 г., и никогда не жаловался. По трудно-трудовой воинской стезе от солдата-добровольца до двух Георгиевских крестов и офицерского чина шел, мужаясь. В стихах поэт веско-сдержанно заметил: «Святой Георгий дважды тронул пулею нетронутую грудь». Это не для детей, как у Ахматовой:

Долетают редко вести
К нашему крыльцу.
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Не подарочек, а награда за мужественное геройство орден святого Георгия, орден славы и чести.

В «Записках кавалериста» Гумилева, т. е. в его корреспонденциях в газету с фронта, при всем грозном, грязном и страшном на войне, он горит неугасимым пламенем героики, чести и доблестного мужества. Ну как не восхищаться и не преклоняться и перед бойцом, и перед поэтом?!

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном * бое,
О рокочущей трубе побед?

И в ночах холода, голода и вечных подъемов по тревоге, когда казалось, что «окунулся в ледяные чернила, так было холодно и темно», он рвется в бой, а «чтоб согреться и выразить радость — делаешь пируэты». Молитва, стихи, бой и оружие занимают поэта: «Обмерзшие хлопья снега резали лицо, как стеклом, и не позволяли открыть глаз... Мы такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому, что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его». И в такт лошадиной рыси в моем уме, говорит поэт, плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему...

В других стихах опять о трудах, крови и поте, голоде и муке войны:

Мы четвертый день наступаем.
Мы не ели уже три дня...
Но не надо нам яства земного
В этот странный и страшный час
Потому, что Господне Слово
Лучше хлеба питает нас.

Какая здесь сила воли, «глубокое дыхание, и полная власть над выбранным образом, и замечательная фонетика». Стихи «слышишь, видишь, дивишься им и радуешься, точно это уже не стихи, а живые существа, пришедшие разделить твоё одиночество». Вместе с тем Гумилев не берсеркер, не язычник, а православный воин. В жестоком, опасном бою он храбр, но он и ве-

* Слово «огнезарный» очень древнее. Встречаем в рукописях XV в., напр., в Ипатьевской летописи под 1187 г.: «облаки огнезарными» (прим. авт.).

рующий человек: «Я, — замечает Гумилев, — бормотал молитву Богородице, тут же мною сочиненную и сразу забытую по миновании опасности». Так искренен воин и поэт. Знает он еще одно ощущение храбреца в бою: «Во мне лишь одна мысль, живая и могучая, как страсть, как бешенство, как экстаз: я его или он меня!» И последние слова об этой воинской схватке: «Нас благодарили, и я получил за эту ночь Георгиевский крест». На отдыхе же вспоминается ему светлая радость полевого молебна. В открытом поле священник в золотой ризе «говорил вечные и сладкие слова, служба молебна... Необъятное небо вместо купола... Мы хорошо помолились в тот день. Во всем полку, хоть и не принуждали идти на молебен, не было ни одного человека, который бы не пошел». А вот новая боевая картина: «Словно большие кузнечные молоты, гремели германские пушки, и наши залпами ревели им в ответ... Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня». Самое смертоносная шрапнель для героя «протяжно и не без приятности пела». Ожиданье возможной смерти не ужасает поэта, а пьянит его сердце. Он все видит: землю и небо, когда «звезды уже кое-где прокололи легкую мглу», просторы полей и чует их запахи, любимые им деревья... Сколько из нас, обычных людей, в ожиданьи боя боялись, томились: хоть скорей бы уже начинали! А вот Николай Степанович думал: «Самые трогательные и счастливые часы, — это часы перед битвой». Был он человеком великого духа, «был он рыцарем света и слова и... вера его горяча», сказал о Гумилеве его ученик и поэт.

Герою было доступно и очарование Африки:

Про заветную душу послушай,
Ты, на дереве древней Евразии
Исполинской висящая грушей.

В стихе жив и лесной пожар, и мгновенно схваченная форма верблюда:

И такие смешные верблюды
С телом рыб и головками змей,
Как огромные древние чуда
Из глубин песноцветных морей.

Почувствовал он и по-своему передал очарование вод и снов — Венецию:

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорных аркады;
Воды застыли стеклом...

Лев на колонне, и ярко
 Львиные очи горят,
 Держит Евангелье Марка,
 Как серафимы, крылат...

Но в храбреце и учителе был и рыцарь, и нежный влюбленный. Рыцарь он, когда бросается поднять раненого немца, а в тот момент несчастного разрывает в клочья снаряд. Нежно же напевны стихи в грустном сборнике «К синей звезде». Вот, одно начало:

Пролетала золотая ночь
 И на миг замедлила в пути;
 Мне, как другу *, захотев помочь
 Ваши письма думала найти,
 Те, что вы не написали мне.
 А потом присела на кровать
 И сказала: «Знаешь, в тишине
 Хорошо бывает помечтать!
 Та, — другая, — вероятно зла;
 Ей с тобой встречаться даже лень,
 Полюби меня, ведь я светла,
 Так светла, что не светлей и день!
 Много расцветает чудных роз
 В потайных колодцах у меня,
 Словно крылья пламенных стрекоз
 Блещут искры синего огня...»

Поэт сравнивает ночь и ее движение с ходом «неподатливых вороных коней» в колеснице. Широкий диапазон голоса, впечатлительно смелые сравнения образа ночи и ее коней, звездного блеска и бездонных колодцев неба.

Замечателен Николай Степанович и в своей храброй идейной и рыцарской постоянности в монархизме и в страстной вере в Россию. Он-то не принял революцию, как большинство интеллигентов, чтобы позже отшатнуться и бежать. Ранее 1917 года он прекрасно выразил свои мысли в стихах «Воин Агамемнона»:

Смутную душу мою тяготит
 Странный и страшный вопрос:
 Можно ли жить, если умер Атрид,
 Умер на ложе из роз...
 Что я? — Обломок старинных обид,
 Дротик, упавший в траву,
 Умер водитель народов — Атрид,
 Я же, ничтожный, живу!

* Н. Гумилев имел особую любовь к ночи и ее успокаивающей силе (прим. авт.).

Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор
Жить, потерявши царя!

Это предчувствие и предвестие будущего. Гумилев уже тогда предвидел лживый и богоборческий дух революции *:

Как не погнулись, о горе!
И не оставили мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест!

В Советии ему стало и горько и нестерпимо:

Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подниматься никогда!

За месяц до расстрела поэт создает стихи о планете, на которой ангелы говорят о золотом воспоминании древнего рая. А ранее он вспоминает своего монарха и дарит полудикому князьку характерно-свое:

Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

Поэт говорит часто о «тяжелой бессмыслице революции», от того-то коммунисты называли его «цепной собакой монархии». Не отрекся и на следствии герой ни от монархии, назвав себя монархистом, ни от составления прокламации.

Гумилев любил храбрых русских солдат, но знал, что мужик и народ — «озорной, озорной!» Герой наш до конца и боролся против зла, злобы и развала. Убить его убили, но не дух и не храбрую Музу, их расстрелять было нельзя, их и забыть невозможно. Выше всего в поэзии Гумилева — сила духа, вера в свое дело, в волевою напряженность создавания-творчества, храбро-доблестного искания. В нем, как в русском православном воине и поэте, была и устремленность сердца в будущее нашей жестокой, несчастной и великой Родины — России. Николай Степанович знал, что нет торжества над ложью и Злом вне героики доблестных усилий. Вера в Бога и любовь к Отчизне продиктовали ему слова:

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,

* Стихотворение «Мужик», 1916 г. (прим. авт.).

Стены Нового Ерусалима
На полях моей родной страны.

Ей, истинно так, герой! Любя Россию, и тебя любим, и «целый мир воспоминаний, заклинаний и надежд откликается эхом на стихи» и жизнь твою. Мы любим поэта-воина, «а любовь есть связь в радости совокупного бытия», единение, надежд и Веры.

